

Л. В. Попова

Миасс, Россия

**НЕПОЛНОЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ НОМИНАЦИИ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЖИ В ИСТОРИИ РУССКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

АННОТАЦИЯ. *Представлены результаты лингвокультурного анализа номинации юридической лжи в истории русского законодательства. Сопоставлены объективные термины и морально-оценочные номинации. Рассмотрено когнитивное содержание морально-оценочных номинаций, определена их связь с этнокультурными концептами. Этнокультурная специфика изучаемых номинаций подтверждена их неполноэквивалентностью при переводе на английский и немецкий языки.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *морально-оценочная номинация, неполноэквивалентная номинация, номинация юридической лжи, этнокультурная специфика юридической номинации, этнокультурный концепт.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Попова Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Миасский филиал Челябинского государственного университета. Адрес: 456313, Челябинская обл., г. Миасс, ул. Керченская, 1. E-mail: mila_fil@mail.ru*

L. V. Popova

Miass, Russia

**NOT FULL-EQUIVALENCE OF NOMINATION OF JURIDICAL
LIE IN HISTORY OF RUSSIAN LEGISLATION:
ETHNO-LINGUO-CULTURAL ASPECT**

ABSTRACT. The article presents the results of the linguo-cultural analysis of nomination of juridical lie in history of russian legislation. Objective terms and moral-estimated nominations are compared. Cognitive contents of moral-estimated nominations is considered, their ratio to ethno-cultural concepts is defined. The ethno-cultural specifics of the studied nominations are confirmed with their not full-equivalence at the translation into the English and German languages.

KEY WORDS: moral-estimated nomination, not full-equivalent nomination, nomination of juridical lie, ethno-cultural specifics of juridical nomination, ethno-cultural concept.

ABOUT THE AUTOR: Popova Lyudmila Victorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Philology, Miass Branch of Chelyabinsk State University.

Изучение истории русской юридической терминологии показывает, что полнота информации о семантике и функционировании профессиональных номинаций зависит от круга используемых источников. Так, при подготовке к публикации памятников права [Памятники... 1952–1961, Российское законодательство... 1984–1994] термины интерпретируются преимущественно с юридической точки зрения, с опорой на труды по истории государства и права. Семантические компоненты терминов и лексические варианты терминов, обладающие культурно-обусловленной функцией, не учитываются. В результате терминологические указатели к текстам позволяют составить представление о формальной стороне права, но не раскрывают его внутренней стороны (правосознания, правовой культуры).

Лингвокультурологическая информативность юридических текстов прошлого не вызывает сомнения у исследователей, непосредственно [Рогов 2006] или косвенно [Исаев 2001] изучающих правосознание и правовую культуру, отраженные в юридической лексике. Однако существующие работы этого направления пока не охватывают всего спектра терминологии и смежной с ней лексики. Недостаточно внимания уделяется созданию культурологического комментария к этноспецифичным номинативным единицам в сфере их функционирования. По нашему мнению, плодотворным будет совмещение юридической и лингвистической интерпретации для реконструкции лингвокультурного фона лексического слоя юридической речи. Результатом реализации такого подхода может стать осознание более широкой аудиторией (как профессионалов, так и непрофессионалов) исторической связи русского правосознания с национальной ментальностью. Верификация данной связи лежит в основе гипотезы нашего исследования.

Особое значение в этом исследовании имеют данные историко-лингвистической и лингвокультурологической лексико-

графии. Выявленные в ходе лексико-семантического и семантико-функционального анализа этнокультурные компоненты юридических номинаций должны иметь соотношение с категориями национального языкового сознания (или картины мира), описанными в лингвокультурологических словарях, а также в научной литературе. Кроме того, подтверждением этнокультурной специфики изучаемых терминов и их лексических вариантов может быть определение ограничения их межъязыковой эквивалентности. Данная работа является опытом межъязыкового анализа зафиксированных нами русских юридических номинаций, отличающихся от объективных обозначений наличием моральной оценочности.

Так, в номинативной группе «судебная ложь», наряду с объективными терминами *поклепный иск*, *нарядное дело*, *ложное челобитье*, *составные вымыслы / составные затѣйные отвѣты*, *воровство*, *неправда*, функционировали морально-оценочные номинации *лукавство* и *душевредство*.

Данный речевой феномен характерен для законодательства XVII века, основные нормы которого действовали вплоть до XIX века: Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года [Полное собрание... 1830, т. I, № 1], Указ Петра I от 21 февраля 1697 года «Объ отмѣнѣ въ судныхъ дѣлахъ очныхъ ставокъ, о бытіи вмѣсто оныхъ расспросу и розыску, о свидѣтеляхъ, объ отводѣ оныхъ, о присягѣ, о наказаніи лжесвидѣтелей и о пошлинныхъ деньгахъ») [Полное собрание... 1830, т. III, № 1572].

Термины *нарядное дѣло* (п. 179 гл. X), *поклепный иск* (п. 179, 186 гл. X), *поклепное дѣло* (п. 186, 187, 188 гл. X), *ложное челобитье* (п. 212 гл. X, п. 26 гл. XVI, п. 36 гл. XVII), *воровство* (п. 186, 188 гл. X) обозначали понятие «ложный иск» (как вид преступления и как преступление в целом) в главах X, XVII Уложения. Термины *неправда* (ложный иск, ложные показания и преступление в целом), *составные вымыслы / составные затѣйные отвѣты* (ложные показания ответчика и свидетелей) пришли на смену первой группе в Указе 1697 года. При этом в обоих нормативно-правовых актах (то есть на протяжении полувекового периода) заметное место в кругу данных терминов занимали предметно-процессуальные номинации *лукавство* и *душевредство* наряду с субъектными номинациями *лукавец* и *душевредец*. Детальный семантико-функциональный анализ позволил нам выявить признаки профессиональной адаптации данных лексем. Зафиксированы факты использования мораль-

но-оценочных номинаций 1) в дополнение к терминам, то есть в одном микроконтексте (в пределах того или иного пункта нормативно-правового акта); 2) в качестве заменителей терминов в семантически однородных контекстах; 3) в качестве предтерминов, то есть номинаций, предваряющих более поздние (XVIII век) термины с аналогичным значением 'клятвопреступление' (*лживая присяга, клятвопреступник*). В отношении к видовым терминам морально-оценочные номинации выступали семантическими эквивалентами, в отношении к родовым – семантическими уточнителями. Связь указанных номинаций с терминами не отражена правоведами в комментариях, терминологических указателях [Памятники... 1952–1961, вып. 6], терминологическом словаре [Исаев 2001].

Наряду с приобретенной в юридическом тексте терминологической функцией, адаптированные лексемы, по нашему мнению, сохраняли морально-оценочную функцию, закрепленную за ними этимологией (внутренней формой), семантикой и традицией употребления в неофициальных сферах коммуникации (бытовой, религиозной). Главными семантическими признаками лексем в исторических словарях русского языка названы следующие: *лукавство* – 'хитрость, изворотливость', 'коварство, зло', 'обман, неверность', 'неправедность, отступничество' [Словарь... 1789–1794, ч. III: 1328; Словарь... 1975, вып. 8: 299]; *душевредство* – 'нанесение душе вреда', 'неверность, клятвопреступление', 'обман', 'нарушение совести' [Словарь... 1789–1794, ч. I: 919; Словарь... 1975, вып. 4: 388–389]. Сопоставление выявленных сем позволяет обнаружить большую долю общности семантики двух лексем. Интегральными семами являются 'обман', 'злонамерение', которые соотносятся с гиперсемой 'недоброе совестность' (аморальность). Исходя из семантической структуры номинаций *лукавство* и *душевредство* можно описать лежащую в их основе когнитивную структуру: безнравственный человек, способный умышленно обманывать, предавать кого-либо для достижения личной выгоды, причинения вреда кому-либо. Этот образ, попадая в семантическое и когнитивное пространство юридической коммуникации, становится фоновым для образа преступника-лжеца, усиливая его негативную оценку моральным аргументом «ложь и предательство наносит большой вред душе не только лжеца, но и его жертвы». Обязательность использования в юридической речи «неисконных» для права номинативных единиц свидетельствует об особом статусе вы-

ражаемых ими понятий в юридическом языковом сознании. Юридические понятия и нормы мыслились в тесной связи с моральными: безнравственность человека побуждает его к совершению преступлений.

«Неисконные термины», очевидно, создавали лингвокультурный фон юридической коммуникации, поскольку напрямую связаны с этнокультурными концептами «лукавство», «душа», «совесть»: *лукавство* – «хитрое криводушие, ловкость рук, запутывающая все обстоятельства, постоянный обман в делах и злонамеренность в помыслах»; «извилистый путь (*лука*) при совершении дела, и дело движется не душой и сердцем, а расчетом и недоброй волей»; *лукавство* «представлено как ущербность, как уклонение от честного пути <...>» [Колесов 2014: 419]; *душа* – «бессмертная жизнетворная сила человека в единстве разума, воли и чувства», «<...> та сила, которая стремлением к целостности, цельности и целостности личности объединяется с миром духовно и соборно, являясь воплощением духа в теле и определяя меру душевности – женской ипостаси духа <...>» [Колесов 2014, т. 1: 237–238]; *совесть* – «личное со-знание, нравственно оценивающее все проявления добра и зла в единстве чутья и чувства, души и духа, вызывая со-чувствие и активное соучастие в общем деле» [Колесов 2014, т. 2: 286]. Эти концепты, наряду с близкими им (*правда, праведность, добро* и др.), лежат в основе национального нравственного кодекса и, таким образом, своей актуализацией в когнитивном пространстве юридической коммуникации эксплицируют национальную специфику правосознания.

Для верификации выявленной этнокультурной специфики изучаемых юридических номинаций предпринята попытка их перевода на европейские языки. Получены следующие данные. *Лукавство* в английском и немецком языках имеет только неполные эквиваленты, которые соответствуют какому-либо одному значению русской лексемы, например: английские *slyness* 'хитрость', *dishonesty* 'нечестность', 'недобросовестность'; *insidiousness* 'коварство', *deception* 'обман', *fraud* 'мошенничество'; немецкие *die Schlauheit* 'хитрость', *die Unehrlichkeit* 'нечестность', *die Tücke* 'коварство', *der Betrug* 'обман', *die Gaunerei* 'мошенничество', *die Unzuverlässigkeit* 'недобросовестность'. Таким образом, русская лексема *лукавство* выражает уникальный комплекс семантических признаков, точно не передаваемый одной лексемой английского или немецкого языков. *Душевредство* в значе-

нии 'обман' имеет те же эквиваленты, что *лукавство*; 'клятвопреступление' – английское *perjury*, немецкое *der Meineid*; 'нарушение совести' – английское *violation (offence) of conscience*, немецкое *der Verstoß des Gewissens*; 'нанесение душе вреда' – *causing harm to soul, das Zufügen der Seele des Schadens*. Следовательно, русская лексема *душевредство* тоже уникальна, причем ее значения, прямо обусловленные национальными концептами «душа», «совесть», не передаются целостными лексемами и могут быть переведены только описательно.

Итак, комплексный анализ на данном этапе исследования подтверждает этноспецифичность номинации юридической лжи в истории русского законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. – М., 2001.

Колесов В. В. Словарь русской ментальности: в 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб., 2014.

Памятники русского права. Вып. 1–8. – М., 1952–1961.

Полное собрание законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года. – СПб., 1830.

Рогов В. А. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX – середины XVII вв.) / В. А. Рогов, В. В. Рогов. – М., 2006.

Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – М., 1984–1994.

Словарь Академии Российской. – СПб., 1789–1794.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1975.